

БИБЛИОГРАФИЯ, РЕЦЕНЗИИ

Березкин Ю. Е.

Два подхода к проблемам возникновения сложных обществ (к публикации книги Кента Флэннери и Джойс Маркус)

(*Flannery K., Marcus J. The Creation of Inequality. How our prehistoric ancestors set the stage for monarchy, slavery, and empire. Cambridge, Mass. & London: Harvard University Press, 2012. 635 p.*)

Кент Флэннери — профессор Мичиганского университета и патриарх мезоамериканской археологии, ему почти 80. Он начинал с исследований в Оахаке, нацеленных на изучение формирования производящей экономики и сложных обществ. Уже одна из его ранних статей, посвященная выявлению закономерностей в становлении цивилизаций, стала классикой жанра (Flannery 1972). Название журнала, в котором она была напечатана, красноречиво — «Ежегодный обзор по экологии и систематике». Основная идея статьи — цивилизации и государства есть закономерный продукт эволюции культуры во взаимодействии со средой, сходные цивилизации независимо возникали в разных районах мира. Движущими силами эволюции являются развитие ирригации, военная активность в пределах замкнутых природно-ландшафтных территорий (как у Р. Карнейро), демографический рост и обмен, приводящий к интеграции небольших сообществ во все более крупные. Основываясь на стьюардсовской «четырёхчленке» (band, tribe, chiefdom, state), Флэннери расположил на ее ступенях известные по этнографическим и археологическим данным общества со всех континентов.

Джойс Маркус — также профессор Мичиганского университета. Она младше Флэннери, но тоже принадлежит к числу ведущих специалистов по археологии Мезоамерики. Это пятая совместная монография авторов за последние 15 лет, и каждая была событием.

Я бы вряд ли взялся писать о новой работе двух выдающихся ученых, если бы сам только что не закончил книгу на сходную тему (Березкин 2013). Разумеется, мой рейтинг цитируемости на порядки отличается от рейтингов Флэннери и Маркус, но большинство материалов, которые авторы используют, мне знакомы. Это позволяет сосредоточить внимание на концептуальных моментах книги и заметить некоторые неточности.

Статья Флэннери 1972 г. была встречена с энтузиазмом, поскольку отразила господствующие идеи своего времени. Ведущие специалисты по изучению древних цивилизаций, в том числе и российские (Массон 1971: 107–159; 1981: 119–128), писали примерно о том же. Однако за прошедшие 40 и более лет в науке о прошлом многое изменилось. Процессуальная археология, горячим сторонником которой был Флэннери, в значительной мере уступила свои позиции другим направлениям. Объем данных о древних культурах многократно вырос, а ход культурной истории во всех центрах формирования ранних ци-

визаций, особенно в Центральных Андах, Передней Азии и Китае, предстал в существенно новом свете. Невозможность указать на конкретный временной рубеж в истории человечества, после которого начинается усложнение социополитической организации, сделалась очевидной, и с этим Флэннери и Маркус согласны. Пока трудно судить о ситуации до ледникового максимума, но, как пишут авторы, «льды еще не успели дотаять, а признаки социального неравенства уже стали заметны».

То, что начало становления сложных обществ придется отодвигать все глубже во времени, было ожидаемо. Стремление повысить свой статус среди окружающих унаследовано человеком от его животных предков — все мы знаем про доминантов, субдоминантов и маргиналов у обезьян. Авторы подчеркивают, что объяснить требуется не наличие социального неравенства как такового, а появление групп, сама принадлежность к которым от рождения определяла место человека в коллективе. Соответственно главный рубеж в усложнении социополитической организации — это не зарождение неравенства, а переход от систем, в которых статус только приобретался, к системам, в которых он стал наследоваться. В большинстве известных нам обществ положение человека обусловлено обоими факторами — происхождением и заслугами, но социальные системы, в которых статус наследуется, не могли существовать изначально — ничего подобного у обезьян нет и не может быть. Этнографам тоже известны общества, в которых передача статуса по наследству в принципе невозможна. Таковыми, конечно, были и общества древних охотников-собирателей.

Второй рубеж, который авторы считают необходимым логически выделить в континууме постепенных изменений — переход от ранговых обществ к стратифицированным. Если в первых границы между социальными группами остаются проницаемыми, то вторым свойственна социальная эндогамия — дети женщины из более низкой статусной группы, рожденные ею от мужчины, занимающего высокое положение, не могут при прочих равных условиях стать равными по статусу своему отцу.

Дальнейший переход от стратифицированных обществ к обществам с государственной организацией авторы рассматривают на нескольких примерах, один из которых — зулу начала XIX в. Суть изменений состояла не просто в установлении контроля центра над более значительной территорией, а в создании новой идеологии. Государственность возможна постольку, поскольку лояльность жителей подчиненных территорий по отношению к общему центру становится для них более важной, чем лояльность по отношению к местным лидерам. Центр, со своей стороны, превращает прежних лидеров в собственных администраторов или заменяет их своими людьми. Все это достаточно близко к Ф. Энгельсу. Едва ли не главное отличие от авторов XIX в. состоит в том, что те вряд ли бы стали развивать свои идеи на примере зулу, мерина или бурушей, как это делают Флэннери с Маркус. Хотя определенную роль в таком выборе, наверное, сыграло политкорректное желание показать, что Мадагаскар и Южная Африка мало уступают Италии и Эгееде, обращение не к древним текстам, а к недавним этноисторическим материалам имеет безусловные преимущества — обилие и надежность фактов.

Вообще в книге, написанной двумя археологами, этнографическим материалам уделено значительно больше места, чем археологическим. И дело

здесь не только в преимуществах анализа данных об отношениях между людьми по сравнению с изучением фрагментарно сохранившихся результатов человеческой деятельности. Авторы не слишком интересуют конкретная история человечества, для них важны факторы и механизмы, ответственные за функционирование и изменение определенных форм общественной организации. Что касается археологических материалов, то их остается лишь сравнивать с этнографическими — какой из описанных этнографами образцов лучше объяснит обнаруженные при раскопках факты. Это значит, что Флэннери не поменял позиций, занятых им в начале своей научной карьеры, а лишь отказался от совершенно неприемлемой в наши дни части концепции — стадиялизма.

В разных главах и по разным поводам авторы подробно и со знанием дела описывают десятки обществ, известных по материалам этнографии и этноистории. Как только что было сказано, эти примеры призваны проиллюстрировать ход усложнения социальной организации — от обществ, в которых статус мог быть только приобретенным, к обществам с резко выраженной стратификацией и наследуемым статусом — вплоть до ранних, а затем и развитых бюрократических государств. Подобный прием предполагает признание не только общего вектора эволюции, но и значительного однообразия эволюционных процессов по всему миру. Вместе с тем авторы хорошо эрудированы и честно стараются представить читателю альтернативные варианты социополитического устройства. Тем самым им приходится обращаться к фактам, которые для их концепции не очень удобны. Однако признавая разнообразие систем одного уровня сложности, Флэннери и Маркус стараются представить отдельные варианты организации как всего лишь ожидаемое «поле рассеивания» в пределах единой нормы.

Примером альтернативного устройства общества численностью более 10 тыс. человек, в котором нет вертикальной иерархии с вождем во главе, а есть сложная сеть горизонтальных связей между родовыми группами, деревнями и отдельными людьми, служат апатани Восточных Гималаев. Апатани описал К. Фюрер-Хаймендорф, английский этнолог австрийского происхождения, выдающийся исследователь народов Индии и Непала. Однако значение собранных им данных первым по-настоящему оценил Р. Карнейро. Именно от него об апатани узнал я сам в начале 90-х годов (Березкин 1994а, 1994б; Berezkin 1995), и сильно подозреваю, что он же обратил на них внимание Флэннери и Маркуса.

Авторы признают, что реконструировать общество типа апатани, опираясь на данные археологии, было бы трудно. Но на проблему можно посмотреть и с другой стороны: откуда известно, что те или иные общества, существовавшие в дописьменном прошлом, имеют надежные этнографические параллели? Сопоставление синхронных или почти синхронных этнографических материалов, расклассифицированных по логически выстроенным ячейкам, с материалами археологии, имеющими конкретную пространственную и временную привязку, методически вообще уязвимо. Есть в этом что-то от «Великой цепи бытия» — все виды существ и объектов образуют иерархическую последовательность, в которой каждому отведено его место (Лавджой 2001; Krikmann 2008). Используемый авторами книги понятийный аппарат целиком состоит из этнографических терминов, тогда как для характеристики археологических культур существуют совершенно иные понятия. Мы можем сравнивать древние общества между собой, оценивая величину общественно-культовых сооружений,

степень дифференциации погребений, ценность их инвентаря, сложность поселенческих систем, максимальные размеры поселений, уровень технологической оснащенности, развитость сетей обмена и систем хранения и передачи информации. Однако мы не можем однозначно сопоставить все это с известными по этнографическим данным формам социальной организации и политического устройства. Отдельные археологические признаки, свидетельствующие об усложнении общества, друг с другом сочетаются не слишком системно и часто представлены в таких комбинациях, для которых этнографических аналогий нет.

Флэннери и Маркус, видимо, не хотят признавать наличие подобной проблемы и, чтобы сгладить противоречия между фактами археологии и построенной на этнографических материалах концепцией постепенной смены одних форм социополитического устройства другими, идут на ряд ухищрений.

Автор любой обобщающей работы, в которую включены материалы из разных регионов мира или полученные специалистами из разных областей знания (археология, этнология, лингвистика и т. п.), неизбежно допускает фактические ошибки, а используемые для исследования материалы никогда не отражают накопленные другими специалистами знания во всей полноте. Охватить все невозможно и какими-то данными приходится жертвовать. Например, Флэннери и Маркус не стали включать в свой обзор материалы по археологии Восточной Азии, и нельзя им ставить это в вину: английских источников мало, а по-китайски или по-японски авторы книги вряд ли читают. С материалами по археологии бывшего СССР было бы меньше проблем, но Флэннери и Маркус обошлись и без них. Особой беды нет и в этом — книга, как было сказано, посвящена появлению социального неравенства, а не истории древних цивилизаций.

Однако некоторые пропуски или необоснованные решения вряд ли объясняются только трудностями в поисках материала или нежеланием перегружать монографию фактами. Начну с того, что авторы в одних случаях отказались от датировок, основанных на калиброванных радиоуглеродных датах, а в других используют даты с поправкой. Это значит одно из двух. Либо ведущие американские специалисты искренне не знают, как получены даты по памятникам Передней Азии и Перу и пропускали соответствующие разделы в используемых источниках (в это я верю с трудом). Либо они лукавят и используют те датировки, которые лучше согласуются с их концепцией. Концепция же эта предполагает, что ход развития в основных центрах становления ранних цивилизаций Старого и Нового Света был примерно одинаковым, поэтому чем меньше между ними хронологических расхождений, тем лучше. Караль и другие общественно-культурные центры Перу эпохи до распространения керамики существовали в III — самом начале II тыс. до н. э. Эти датировки основаны на калиброванных датах, иначе большинство памятников пришлось бы «подтянуть» во II тыс. до н. э. Докерамический неолит А в Леванте начинается в самом конце XI тыс. до н. э. (Watkins 2010: 621–622; Write, Garrard 2003: 268), а вовсе не на рубеже VIII и IX тыс. до н. э., как это пишут авторы. Даже если брать некалиброванные даты, авторы занижают древность Иерихона лет на 200, а если брать калиброванные, то более чем на 2000.

Другой пример. В свое время К. Ренфрю предложил модель, объясняющую возникновение храмов Мальты. Он сравнил общество III тыс. до н. э. на острове в Средиземном море с обществом острова Пасхи, где при сходной численности

обитателей тоже воздвигали монументальные неутилитарные сооружения — знаменитые статуи (Renfrew 1973: 174–182). Вряд ли на этом основании древнее общество Мальты можно реконструировать по образцу полинезийского, но основные параметры, характеризующие природную обстановку, хозяйство и результаты деятельности людей, в этих случаях действительно сходны. Флэннери и Маркус позволяют себе гораздо более рискованные сравнения.

Наверное большинство читателей знает, что открытие Гёбекли-тепе привело к революции в наших представлениях о древнейшей истории Передней Азии, да и человечества в целом. Если говорить о трудовых затратах на сооружение комплекса, то предлагаемое авторами книги сравнение с мужскими домами или менгирами ао нага в северо-восточной Индии категорически неприемлемо. Установка более двух сотен трех- и пятиметровых каменных стел, в том числе покрытых рельефными изображениями, несоизмеримо сложнее сооружения деревянных построек или установок одного, пусть и большого, необработанного камня. Рассуждения о том, как представители разных родовых групп строили в Гёбекли отдельные здания, не только не опираются на конкретные факты, но и мало что нам дают. В отличие от Нагаленда, где «праздники заслуг», связанные с воздвижением менгира, происходили в разных деревнях, Гёбекли-тепе представляет собой единственный в своем роде центр. Остальные поселения той же культуры, включая Невали-Чори, Жерф эль-Ахмар и Карахан, где тоже найдены здания с каменными стелами, имеют меньшие размеры и появились несколько позже (Корниенко 2006: 32–66; 2011; Çelik 2011; Stordeur et al. 2000). Более одиннадцати тысяч лет назад на верхнем Евфрате сложилась сложная политическая система, охватившая огромную территорию, и никаких параллелей подобной системе в этнографических материалах нет. Так что использование данных по этнографии нага для объяснения археологических фактов на Ближнем Востоке заставляет вспомнить о Дж. Фрззере и В. Я. Проппе. Оба были великими учеными, но оба придерживались эволюционистской концепции, сформировавшейся в третьей четверти XIX в.

От классических эволюционистов Флэннери с Маркус тоже унаследовали сравнительный метод — обращение к материалам живых культур для объяснения данных по культурам исчезнувшим, даже если между теми и другими нет никаких исторических связей.

Авторы монографии в этом не одиноки. Нет так давно захоронения черепов и сцены пожирания стервятниками мертвых тел в искусстве Передней и Малой Азии от натуфа до докерамического неолита Б были истолкованы как свидетельства охоты за головами (Testart 2008), а не как явления, связанные с почитанием предков. Эта гипотеза вызвала резкие возражения большинства археологов, с которыми я вполне солидарен. Дело в том, что все этнографические аналогии, которые привел автор гипотезы, были взяты из культур Юго-Восточной Азии и сопредельных областей, где охота за головами действительно до недавних пор являлась важнейшим социальным институтом. Если бы нам требовалось объяснить факты, касающиеся неолита Вьетнама или Тайваня, то подобные параллели были бы уместны. Но причем тут Передняя Азия?

Возвращаясь к книге Флэннери и Маркус, хочется обратить внимание и на лауну, касающуюся Древнего Перу. Караль, Ла-Гальгада, Чавин-де-Уантар — внимание к этим всемирно известным памятникам Центральных Анд III и I тыс. до н. э.

совершенно оправдано. Но почему пропущено II тыс. до н. э.? Для непосвященного читателя здесь нет вопроса — нельзя же написать обо всем, «Возникновение неравенства» — не справочник по американской археологии. Но в том-то и дело, что речь идет не вообще о каких-то памятниках, а об уникальных в своем роде общественно-храмовых центрах гигантского размера, у которых объем монументальных платформ порой в десять и более раз превышает объем Большого зиккурата Ура. При этом Ур-Намму и Шульги могли опираться на ресурсы десятиллионной Месопотамии, а число жителей тех перуанских долин, посреди которых высятся рукотворные горы второй четверти II тыс. до н. э., измерялось немногими тысячами. Это не значит, что мы не в состоянии придумать, как и почему обитатели побережья Перу, не имевшие (насколько допустимо судить по археологическим данным) выраженной социальной стратификации, занимались столь масштабными строительными работами. Но что мы не можем — так это подыскать для подобного общества близкие этнографические параллели.

Не все в порядке у авторов монографии и с описанием возникновения государства у создателей культуры мочика на побережье Перу в первых веках нашей эры. Этот процесс они описывают настолько подробно, что нет ни малейших сомнений — Флэннери и Маркус знают новейшую литературу по теме. В ответ на вторжение горцев в верховья долины Моче местные вожди консолидировали свою власть на оставшейся территории, вытеснили иноплеменников из долины, а затем, набравшись опыта и основав новую столицу Уакас-де-Моче, быстро захватили 14 других долин побережья к северу и к югу от Моче, где в некоторых районах уже возникали и местные государства. Такое завоевание привело к созданию империи. Читатель-неспециалист, может быть, в это поверит, но среди работающих в Перу археологов сейчас вряд ли хоть один допускает возможность существования мочикского государства от Пьюры до Непеньи. Некоторые долины правители Уакас-де-Моче подчинили, но подобное политическое образование со столицей в Моче не то что нельзя называть империей, а его статус государства не безусловен. Все археологические признаки раннего государства там действительно налицо (четырёхуровневая иерархия поселений, гигантский монументальный общественно-культовый центр в столице, сокровища в гробницах элиты и пр.), однако конкретные способы управления и степень автономии подчиненных (или ассоциированных?) долин вызывают вопросы (Chapdelaine 2011; Millaire 2010; Quilter, Koons 2012). Авторы монографии проигнорировали эти данные — почему? Ответ очевиден: чтобы придать процессу образования первичных государств в Андах большее сходство с таковым в мексиканской Оахаке, который Флэннери и Маркус сами изучали. Чем больше кросс-культурных параллелей, тем важнее роль влияющих на политогенез универсальных факторов и менее значительна роль факторов локальных и случайных.

В некотором смысле книга Флэннери и Маркус напоминает законченную десять лет назад работу П. Перегринна — едва ли не самый масштабный проект своего рода за всю историю политической антропологии (Peregrine 2001, 2003; Peregrine, Ember 2001–2003; Peregrine et al. 2004). П. Перегрин и его коллеги прекрасно продемонстрировали, как начиная с раннего палеолита социополитическая организация усложнялась по экспоненте. Однако этот вывод был обеспечен форматом базы данных исследования, поскольку в качестве минимальных единиц фигурировали крупные историко-культурные ареалы

и эпохальные промежутки времени. Хотя математическое доказательство интуитивно ощущаемых истин не бывает лишним, речь все же идет в большей мере об историософии, чем об истории в собственном смысле слова — историкам интересна конкретика.

Флэннери и Маркус тоже «сглаживают углы», выбирая в региональных данных то, что хорошо иллюстрирует их концепцию развития любых обществ в одном направлении под действием универсальных факторов. Мне ближе другая позиция, которую последние 20 лет отстаивает работающий в Перу польский археолог К. Маковский — в сопоставимом природном окружении и при общем сходстве технологической оснащенности переднеазиатские и перуанские общества были организованы совершенно по-разному (Makowski 1996, 2008, 2010).

Можно полагать, что региональная специфика была обусловлена различием в способах, которые элита использовала для удержания власти. В Америке это были прежде всего контроль над производством и циркуляцией неутилитарных престижных ценностей и тесно связанная с подобным контролем монополия на тайное знание. В Передней Азии — скорее контроль над производством и распределением продуктов массового потребления.

Есть несколько характерных для Америки и в значительной мере также для индо-тихоокеанской окраины Азии социальных институтов, которыми можно объяснить необычайно раннее появление в Новом Свете вообще и в Центральном Андах в частности общественно-культурной архитектуры и другие отличия американских культур от культур Юго-Западной Азии. Это исключительно развитая дуальная организация, «праздники заслуг» (в их числе потлач), а также ритуалы возвращения первопредков, нередко в сочетании с институализированным противопоставлением мужчин и женщин. Для запада ойкумены мы не располагаем значимыми свидетельствами существования подобных институтов.

Нет сомнений, что как в Америке, так и на территории от Балкан до долины Инда значительный рост социополитической сложности был невозможен без перехода к производящему хозяйству, но процесс изменений имел собственный импульс. Сейчас нам в равной мере трудно представить, как и кем именно принимались решения в обществах Перу III тыс. до н. э. — I тыс. н. э., с одной стороны, и в Чатал-хеюке, самарре или убейде, с другой, не говоря уже о совершенно загадочной Хараппской цивилизации. Ясно лишь, что речь идет о совершенно разных организационных моделях, типичных для одного региона и нетипичных для другого.

Истоки этих моделей разумно искать в отдаленном прошлом. Флэннери и Маркус правы — усложнение общества началось до появления земледелия и уж точно до его превращения в ведущую отрасль экономики. В чем они, на мой взгляд, не правы, так это в недооценке роли региональных особенностей, за которыми, вполне возможно, стоят в известном смысле случайные факторы, повлиявшие на ход культурной и политической эволюции на ее самых ранних этапах. Различия в характере политогенеза в первичных очагах образования государств в Старом и в Новом Свете связаны с различием не природной среды, а культурных традиций. Как, когда и почему сами эти традиции приобрели свойственные им черты — это еще предстоит выяснить.

Литература

- Березкин Ю. Е.* 1994а. «Город мастеров» на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н. э. // ВДИ 3, 14–27.
- Березкин Ю. Е.* 1994б. Апатани и древнейший Восток: альтернативная модель сложного общества // Кунсткамера: этнографические тетради 4, 5–19.
- Березкин Ю. Е.* 2013. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: Наука.
- Корниенко Т. В.* 2006. Первые храмы Месопотамии. СПб.: Алетейя.
- Корниенко Т. В.* 2011. Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор // АВ 17, 70–95.
- Лавджой А.* 2001. Великая цепь бытия. История идеи. М.: Дом интеллектуальной книги.
- Массон В. М.* 1971. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л.: Наука (МИА 180).
- Массон В. М.* 1981. Алтын-депе. Раскопки города бронзового века в Южном Туркменистане. Л.: Наука.
- Berezkin Yu.* 1995. Alternative models of middle range society. «Individualistic» Asia vs. «collectivistic» America? // Kradin N., Lynsha V. (eds.). Alternative Pathways to Early State. Vladivostok: Dal'nauka, 75–83.
- Çelik B.* 2011. Karahan Tepe: a new cultural centre in the Urfa area in Turkey // DP 38, 241–253.
- Chapdelaine C.* 2011. Recent advances in Moche archaeology // JAR 19, 191–231.
- Coqueugniot É., Wright H. T.* 2009. Débat autour de l'article d'A. Testart «Des crânes et de vautours ou la guerre oubliée» (Paléorient 34.1) // Paléorient 35, 105–136.
- Flannery K. V.* 1972. The cultural evolution of civilizations // Annual Review of Ecology and Systematics 3, 399–426.
- Krikmann A.* 2008. The Great Chain of Beings as the background of personification and depersonification in proverbs and elsewhere // Actas of the 1st Interdisciplinary Colloquium on Proverbs. Tavita: Tipografia Tavirense, 29–68.
- Makowski K.* 1996. La ciudad y el origen de la civilización en los Andes // Estudios Latinoamericanos (Varsovia) 17, 63–88.
- Makowski K.* 2008. Andean urbanism // Silverman H., Isbell W. H. (eds.). Handbook of South American Archaeology. New York: Springer, 633–657.
- Makowski K.* 2010. Religion, ethnic identity, and power in the Moche world // Quilter J., Jaime Castillo L. (eds.). New Perspectives on Moche Political Organization. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collections, 280–305.
- Millaire J.-F.* 2010. Moche political expansionism as viewed from Virú // Quilter J., Jaime Castillo L. (eds.). New Perspectives on Moche Political Organization. Washington: Dumbarton Oaks, 223–251.
- Quilter J., Koons M. L.* 2012. The fall of the Moche: a critique of claims for the New World's first state // Latin American Antiquity 23, 127–143.
- Renfrew C.* 1973. Before Civilization. The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. London: Penguin Books.
- Stordeur D., Brenet M., Aprahamian G. D., Roux J.-C.* 2000. Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syries) // Paléorient 26, 29–44.
- Testart A.* 2008. Des crânes et des vautours ou la guerre oubliée // Paléorient 34, 33–58.
- Watkins T.* 2010. New light on Neolithic revolution in south-west Asia // Antiquity 84, 621–634.
- Write K., Garrard A.* 2003. Social identities and the expansion of stone bead-making in Neolithic Western Asia: new evidence from Jordan // Antiquity 77, 267–284.